Рубрика: Из глубины веков

ОБРАЗ ЖИЗНИ И ВНЕШНИЙ ОБЛИК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЯКУТИИ

Багашёв А.Н., д.и.н., заведующий сектором физической антропологии Института проблем освоения Севера ФИЦ ТюмНЦ СО РАН

Пошехонова О.Е., н.с. сектора физической антропологии Института проблем освоения Севера ФИЦ ТюмНЦ СО РАН

Слепченко С.М., н.с. сектора физической антропологии Института проблем освоения Севера ФИЦ ТюмНЦ СО РАН

Алексеева Е.А., м.н.с. сектора физической антропологии Института проблем освоения Севера ФИЦ ТюмНЦ СО РАН

Дьяконов Виктор Михайлович., к.и.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Дискуссия по вопросу происхождения якутского народа ведётся учёными уже более ста лет. Современная концепция сводится к многокомпонентности саха, т.е. считается, что сложение народа проходило поэтапно на основе смешения автохтонов, живших в Якутии с неолита, и пришлых тюрко-монгольских племён. В исторических преданиях указывается на то, что легендарные прародители якутов – Омогой Баай (происходивший от бурят), Эллэй Боотур (родом из татар, т.е. тюрок) и Улуу (Великий) Хоро (родоначальник якутских хоринцев, предположительно хори-курыканин).

На сегодняшний день известно около 35 памятников кулун-атахской позднесредневековой культуры, имевшей распространение в Центральной

Якутии и на Вилюе в XIV-XVI вв. С этой культурой связывается распространение скотоводства в Якутии, и формирование традиционных основ культуры якутского народа. Большой интерес представляют погребальные памятники этой эпохи, однако, многие из них исследованы недостаточно полно [Дьяконов, Афанасьев, 2004].

Антропологический материал погребений, рассматриваемых в данной статье, исключительно важен в контексте вопроса происхождения якутского народа. Костные останки происходят из обособленных одиночных погребений, в которых были захоронены двое мужчин и одна женщина и позволяют осветить три случая из жизни средневековых обитателей Якутии. Все захоронения относятся к кулун-атахской археологической культуре и датируются в промежутке XIV–XVII вв.

Атласовское 1 захоронение

Одиночное мужское погребение с некоторыми артефактами было случайно обнаружено рабочими в 2003 г. у озера Атласовское в пригороде г. Якутск на территории ботанического сада Якутского государственного университета (ныне Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова). Положение костей указывало на сидячее положение тела в погребении. В захоронении были найдены остатки лука и колчана со стрелами. Эта находка представляет одно из наиболее ранних древнеякутских погребений, относящееся к XIV–XV вв. [Багашев и др., 2016].

Останки, обнаруженные в погребении, принадлежат мужчине, погибшему в возрасте 20-25 лет. Мозговая коробка и лицевой отдел черепа были полностью покрыты сшитыми полосками из тонкой бересты. Под берестяными покровами на левой стороне черепа и нижней челюсти обнаружились множественные преднамеренные повреждения без следов заживления.

Характеристики повреждений черепа позволяют идентифицировать их как разрубы, нанесенные оружием с прямым или слегка изогнутым острым

массивным лезвием длиной более 17,5 см [Медико-криминалистическая идентификация…, 2000]. По голове мужчины было нанесено три удара (рис. 1). Все они были обращены на левую сторону: один (А) пришелся на нижнюю челюсть, два других (Б, В), любой из которых мог быть смертельными, – на черепную коробку. Череп не был рассечен полностью, несмотря на большую силу воздействия. Это указывает на то, что голова в момент ударов не была жестко зафиксирована, т.е. либо человек стоял, либо его голова находилась на пружинящей или проминающейся поверхности (например, мох, глубокий снег). Ранение, последствия которого наблюдаются на левой стороне челюсти (А), возможно, было первым. Этот удар можно представить, как нанесенный в состоянии схватки лицом к лицу, когда мужчина попытался увернуться, откинувшись назад и отклонив голову.

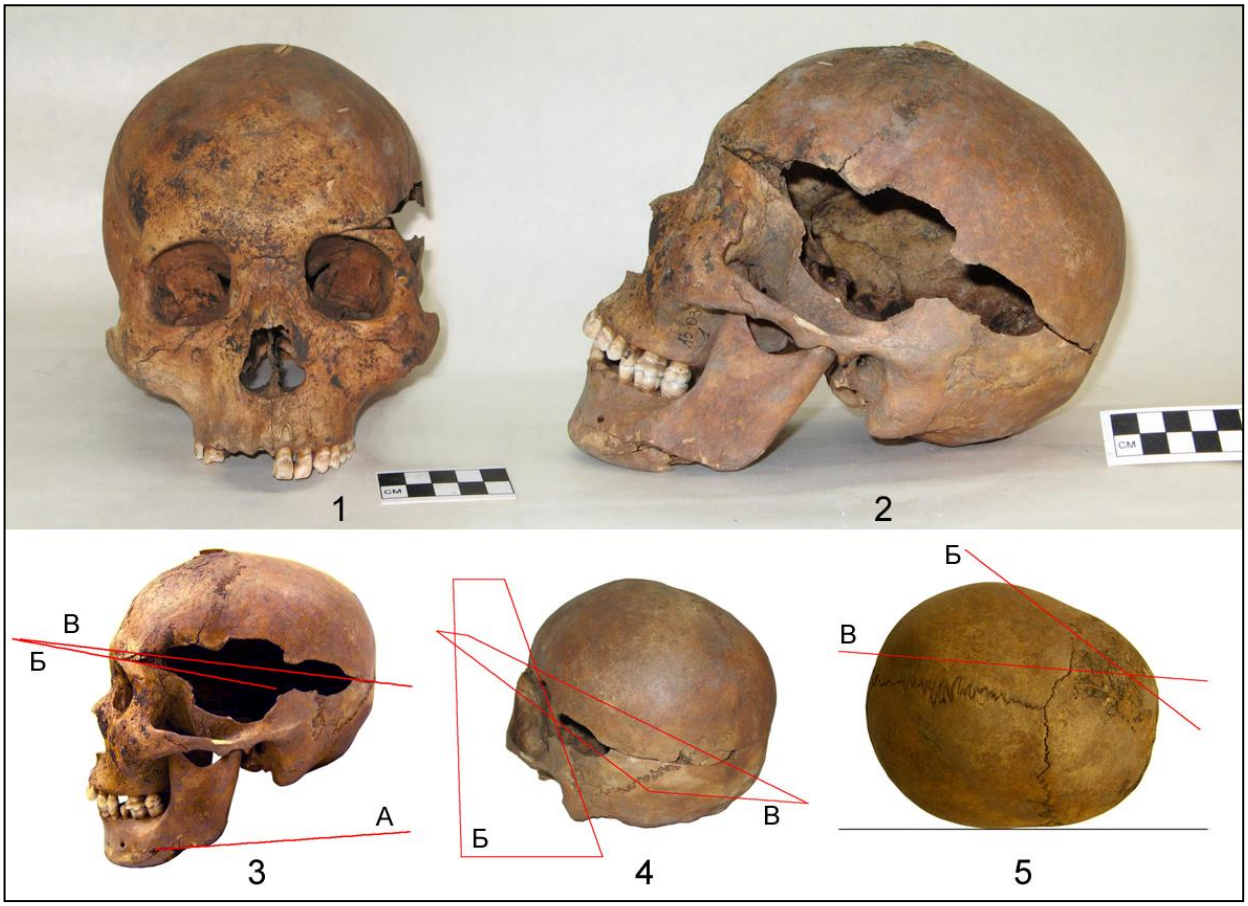

Рис. 1. Атласовское 1 захоронение. Череп мужчины, 20-25 лет: 1 – анфас; 2 – профиль; 3 - вид слева; 4 – вид слева и сзади; вид сверху; А, Б, В – линии нанесения ударов клинковым оружием.

Исследование костных останков дало возможность узнать не только о смерти человека, но и позволило говорить о его жизни. Реконструированный рост погребенного 169 см. Пропорции тела долихоморфные (относительно узкие плечи) и брахигамбные (укороченные ноги).

Состояние зубной системы мужчины было достаточно хорошее: не обнаружено последствий кариеса и серьезных воспалительных процессов, отмечаются лишь небольшие отложения зубного камня. Это указывает на незначительную долю продуктов земледелия в рационе и свидетельствует в пользу преобладания мясомолочной диеты.

Во всех отделах позвоночного столба отмечаются нехарактерные для столь молодого возраста значительные проявления дегенеративно-дистрофических заболеваний: рассекающий некроз, межпозвоночные грыжи, клиновидное искривление тел, особенно сильно выраженных на шейных и поясничных позвонках. Основной причиной развития остеохондроза являются дистрофические изменения межпозвоночных дисков, играющих важную роль в биомеханике движений в позвоночнике и смягчающих сотрясения, приходящиеся на него. В результате усиленной нагрузки на шейный и поясничный отделы и длительной микротравматизации происходит дегенерация межпозвоночных дисков, которые теряют жидкость [Ульрих, Мушкин, 2005]. Особой формой дистрофических изменений позвоночного столба являются межпозвоночные грыжи (грыжи Шморля). Такая локализация процесса является следствием ежедневной длительной нагрузки на позвоночник, в результате чего возникает микротравматизация с развитием дефекта замыкательной пластинки площадок позвонков. При повышенной нагрузке вышеописанный процесс резко ускоряется и студенистое ядро с сохраненным тургором проникает через измененную замыкательную пластинку в губчатую ткань тел позвонков. Следует отметить, что грыжи позвонков образуются в молодом возрасте, когда студенистое ядро имеет наибольший тургор [Косинская, 1961]. Зафиксированные патологии являются последствиями чрезмерных

компрессионных нагрузок на позвоночник, возникающих в результате ношения тяжестей и длительного нахождения на вибрирующих поверхностях в сидячем положении.

Развитие маркеров физической активности по месту крепления реберно-ключичной связки указывает на значительные нагрузки вследствие активных движений плечевого пояса с отягощением. Существенная выраженность мест прикрепления ахиллова сухожилия и плантарного апоневроза на пяточной кости по силовому типу свидетельствует о значительных нерезких (постепенных) нагрузках при сгибании-разгибании голеностопных суставов. Возможно, силовые движения, задействовавшие голеностопные суставы, соответствуют движениям с опорой на стремена.

Данная кинематическая модель в средневековом сообществе Восточной Сибири в большей степени соответствует образу жизни конного воина. Человек носил тяжелые доспехи и оружие, достаточно много времени проводил в седле. Боевые действия и тренировки приводили к преобладанию скоростных действий со значительными нагрузками. Косвенным образом на воинскую деятельность указывает и ранение оружием, приведшее к смерти мужчины.

С применением методики российской школы антропологической реконструкции [Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009] по черепам был восстановлен внешний облик исследуемых индивидов в скульптурной и графической технике (рис. 2).

Рис. 2. Этапы реконструкции лица по черепу.: *а* – постановка черепа, восстановление мышц шеи и жевательных мышц; *б* – реконструкция левой половины лица.

Мы реконструировали портрет молодого мужчины с невысоким, широким лицом (рис. 3). Глаза его с наклонным разрезом глазной щели и с эпикантусом, закрывающим внутренние уголки глаз. Нос некрупный слабо выступающий относительно плоскости лица, с прямым профилем и горизонтально направленными основанием и кончиком. В подносовой части реконструируются широкий рот с крупными губами над небольшим, невыступающим подбородком.

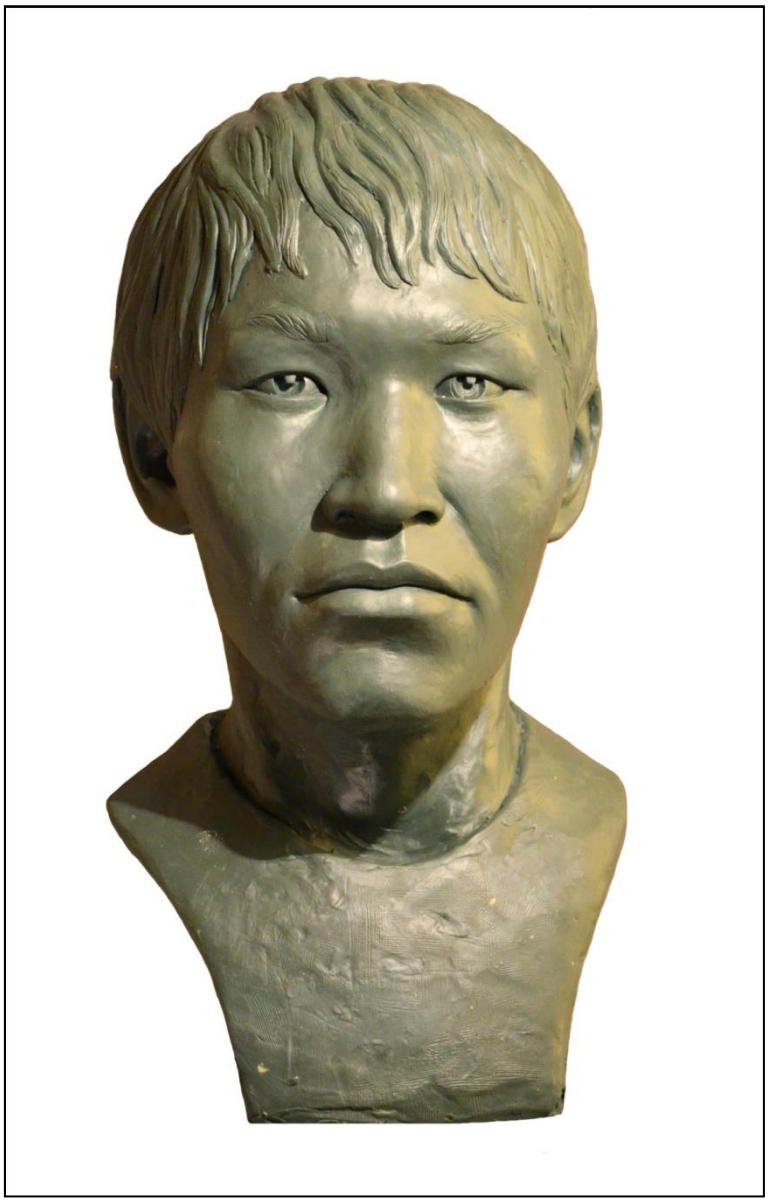

Рис. 3. Атласовское 1 захоронение. Реконструкция лица по черепу. Скульптурный портрет мужчины 20-25 лет.

Сергеляхское захоронение было найдено также случайно в районе оз. Сергелях близ г. Якутска хозяевами дачного участка при рытье погреба. По AMS-датированию возраст погребения, относящегося к кулун-атахской археологической культуре раннеякутского периода, определяется как середина XV - начало XVI вв. Могила была ориентирована по оси запад - восток, параллельно руслу озера. На дне были обнаружены фрагменты сильно деформированной гроба-колоды из цельного лиственничного бревна, распиленного вдоль. В колоде был обнаружен скелет мужчины, погибшего в

возрасте 35-45 лет. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, руки покоились в области таза. Под телом зафиксированы остатки сена и мелкие кусочки бересты.

Со стороны костей ног были подняты 8 железных наконечников стрел двух типов – охотничьи срезни и боевые бронебойные гранёные наконечники (рис. 4, *10-17*). Кроме этого в районе ног погребённого был найден железный черешковый однолезвийный наконечник пальмы типа «батас» (рис. 5). Считается, что черешковые наконечники пальм впервые появляются у кочевников Южного Приангарья в XII–XIV вв., а оттуда они распространяются по таёжным территориям Сибири в последующие столетия [Николаев, 2004]. Тем не менее, батас является, по-видимому, исключительно изобретением якутов [Васильев, 1995].

В разных местах могилы были найдены части снаряжения верхового коня: железная подпружная пряжка, детали оголовья узды, железные удила и стремена (рис. 4, *1-9*; 5, *1-4*). Стремена аналогичные сергеляхским были широко распространены по всей территории Евразии в средневековое время, в том числе у якутов [Николаев, 2004; Гоголев, 1990]. Находка такого комплекта оголовья в Центральной Якутии ещё раз наглядно свидетельствует о прямой связи якутов со средневековыми скотоводами Предбайкалья. Слева от костяка были обнаружены четыре костяные пластины (некоторые из кости мамонта) – накладки от сложносоставного лука со срединной и плечевыми фронтальными накладками (рис. 4, *18-20*). До сих пор существование сложных композитных луков центральноазиатского типа у якутов подтверждалось лишь фольклорными и эпическими данными, где упоминался «костяной грохочущий лук», а также архивными документами, в которых отмечались костяные луки (*муос ох саа, кураах саа*). Все эти находки однозначно указывают на то, что человек, похороненный в Сергеляхском захоронении, неоднократно принимал участие в боевых действиях в качестве конного воина, вооруженного оружием дальнего и ближнего боя.

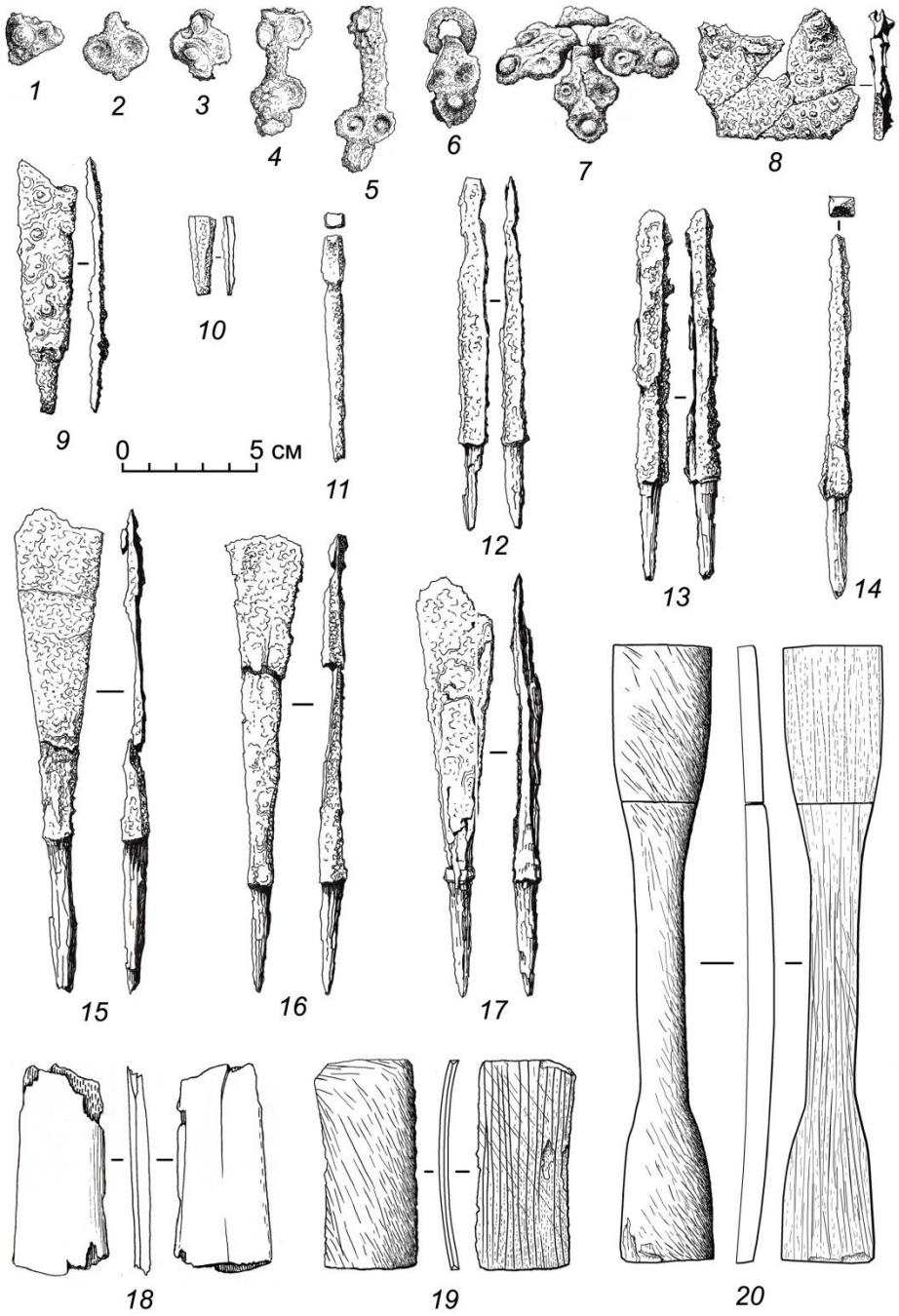

Рис. 4. Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения. 1-5 – фрагменты накладных бляшек оголовья конской узды; 6, 7 – распределители ремней оголовья коня; 8 – обломки плоского изделия со следами клёпок; 9 – фрагмент колчанного крюка; 10, 11 – фрагменты наконечников стрел; 12-17 – наконечники стрел; 18, 19 – плечевые фронтальные накладки сложносоставного лука; 20 – срединная составная накладка лука с веслообразно расширяющимися концами.

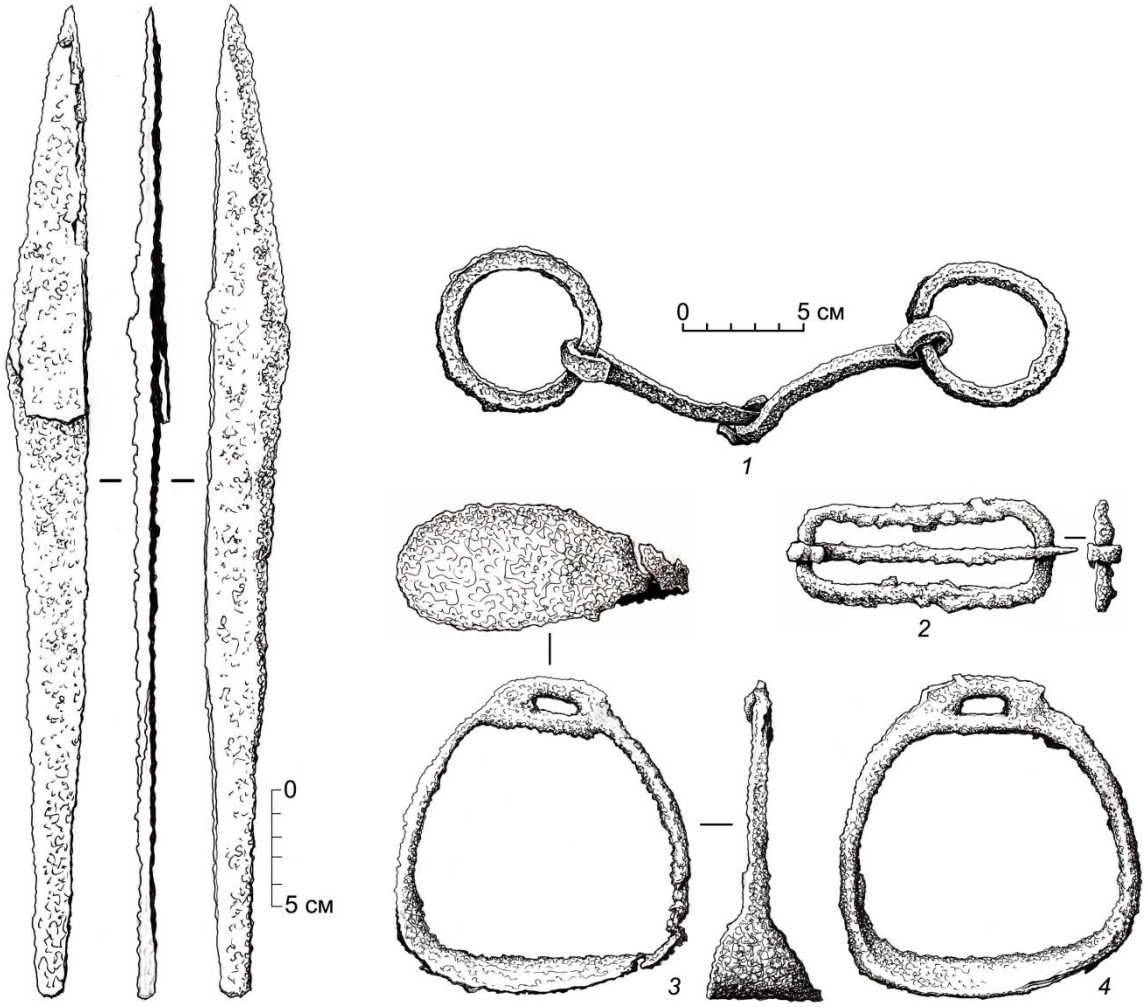

Рис. 5. Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения. Наконечник пальмы типа батас; 1 – удила; 2 – подпружная пряжка; 3, 4 – стремена.

К такому же выводу мы пришли в ходе анализа палеоантропологических материалов из этого захоронения. На своде черепа мужчины имелся щелевидный дефект без следов заживления, протяженностью 12,5 см, проникающий в полость черепа на всем протяжении (рис. 6). Совокупность характеристик повреждения позволяет однозначно интерпретировать его как разруб – рассекающий удар плоским предметом с острым лезвием, нанесенный по «сырой» кости, повлекший за собой смерть мужчины. Отсутствие сколов костей на наружной поверхности вокруг травматического дефекта говорит о том, что в момент удара голова пострадавшего не была защищена. Подобное ранение могло быть получено в пылу боя с применением, например, якутского батаса. При этом противники находились на одинаковом уровне в положении стоя. Жертва была обращена

правой половиной туловища и правой стороной головы к человеку, наносящему удар. Характеристика вышеописанных трещин говорит о некотором отклонении лезвия кзади и книзу, возможно, агрессор несколько пронировал кисть во время нанесения удара.

Рис. 6. Сергеляхское захоронение. Череп мужчины 35-45 лет. Щелевидный дефект черепа. Вид сверху.

Узнав причину смерти воина, обратимся к реконструкции некоторых деталей его жизни. Установленный рост погребенного составлял около 169 см, пропорции тела брахигамбные (укороченные ноги). Черепная коробка косо деформирована со смещением теменных бугров относительно друг друга. Такой тип деформации мог возникнуть, если в раннем детстве ребенок подолгу лежал на достаточно твердой поверхности (якутская колыбель *биһик* – ?) будучи спеленут.

Зубы правой стороны верхней челюсти были утрачены при жизни, что доказывается полной резорбцией альвеолярного отростка (рис. 7, *а*). По степени стертости зубов-антагонистов можно предположить, что в возрасте около 25 лет мужчина получил некую травму, ставшую причиной потери зубов. Обращает на себя внимание различная степень развития зубного камня. На верхних резцах и клыках отмечается умеренная степень, на молярах и премолярах развитие зубного камня сильное, при этом максимум отмечается на премолярах и молярах нижней челюсти справа, которые полностью покрыты своеобразным минерализированным «чехлом» (рис. 7, *б*). Поскольку верхние правые зубы были утрачены задолго до смерти индивида, правая сторона нижней челюсти не участвовала в процессе пережевывания пищи. Благодаря этому не происходило самопроизвольного очищения коронок от остатков пищи, а практика их целенаправленной очистки погребенному, очевидно, не была знакома.

Рис. 7. Сергеляхское захоронение. Череп мужчины 35-45 лет: а – прижизненная утрата зубов и последующая атрофия альвеолярного отростка верхней челюсти; б – зубной камень на зубах нижней челюсти.

Маркеры палеодиеты говорят о перенесенном в детском возрасте пищевом стрессе. Кариес на зубах отсутствует, на некоторых из них отмечены прижизненные микросколы эмали. Наблюдаемая картина их

распределения свидетельствует о привычке погребенного разгрызать кости животных или птиц, но не соответствует вариантам, наблюдаемым при использовании некачественно обработанных зерновых продуктов. Наличие зубного камня и множественных сколов эмали зубов наряду с отсутствием кариеса характерно для обществ с преобладанием в питании мясомолочных продуктов при малой доле углеводных продуктов земледелия.

В группу обнаруженных патологических изменений позвоночника вошли остеохондрозные поражения и спондилоартроз. Проявления остеохондроза были зафиксированы в поясничном отделе и на IV – VI грудных позвонках и выражались наличием остеофитов имеющих горизонтальную направленность размером до 4 – 5 мм. У погребенного были зафиксированы межпозвоночные грыжи IV и V позвонков.

Патологические состояния межпозвоночных суставов (спондилоартроз) зафиксированы во всех отделах кроме шейного, наибольшего развития они достигают на поясничных позвонках. Причиной преобладания спондилоартроза в позвоночном отделе могут быть повышенные нагрузки при вращениях и изгибах туловища, при подъеме и переносе тяжестей, а также у людей с избыточным весом [Косинская, 1961]. Проявления артроза обнаружены также по периметру ушковидной поверхности крестца и пояснично–крестцового сочленения с наличием краевых костных разрастаний до 5-7 мм. Совокупность обнаруженных дистрофических изменений позвоночника может быть свидетельством значительных статических и динамических постоянных нагрузок, а их приуроченность к поясничному отделу указывает на продолжительное нахождение в седле.

Помимо утраченного ряда зубов, на костях мужчины обнаружены следы еще нескольких травм. Так, отмечены сросшиеся переломы левого четвертого ребра в передней трети и правого седьмого на границе передней и средней трети (рис. 8, б). Механизм возникновения – прямой удар, повлекший за собой закрытую травму грудной клетки с переломом ребер. Выявлен заживший перелом левой ключицы со слабым угловым смещением

и укорочением на 1 см по сравнению с правой. Место перелома – граница средней и латеральной третей ключицы. Причиной перелома могли стать прямой удар либо падение на левое плечо (рис. 8, а). Зафиксирован остеоартроз левого грудино-ключичного сустава, обусловленный переломом ключицы и, соответственно, изменением биомеханики сустава. Имеется заживший перелом правой I плюсневой кости с укорочением и формированием изгиба. На бедренных костях зафиксированы характерные изменения на шейке – «фасетки всадника».

Рис. 8. Сергеляхское захоронение, а – сросшийся перелом левого четвертого ребра; б – заживший перелом левой ключицы.

Остеохондрозные проявления на позвонках, выраженные явления спондилоартроза и грыжи Шморля в поясничном отделе позвоночника – совокупность этих признаков указывает на активное «всадничество» как причину таких изменений. Наличие «фасеток всадника» на бедренных костях также говорит о верховой езде, как привычном (или часто употребляемом) средстве передвижения. Переломы левой ключицы, ребер, I пястной кости, травматическая потеря зубов правой части зубной дуги могут быть связаны с падением с лошади или с межличностными агрессивными действиями в

возрасте около 20–25 лет. Вторая версия выглядит более вероятной, так как падение с лошади привело бы к более серьезным переломам конечностей.

Выявленные элементы деятельности человека в большей мере соответствуют образу жизни конного воина. Удар холодным оружием, нанесенный по голове мужчины и ставший причиной смерти, подтверждает этот вывод.

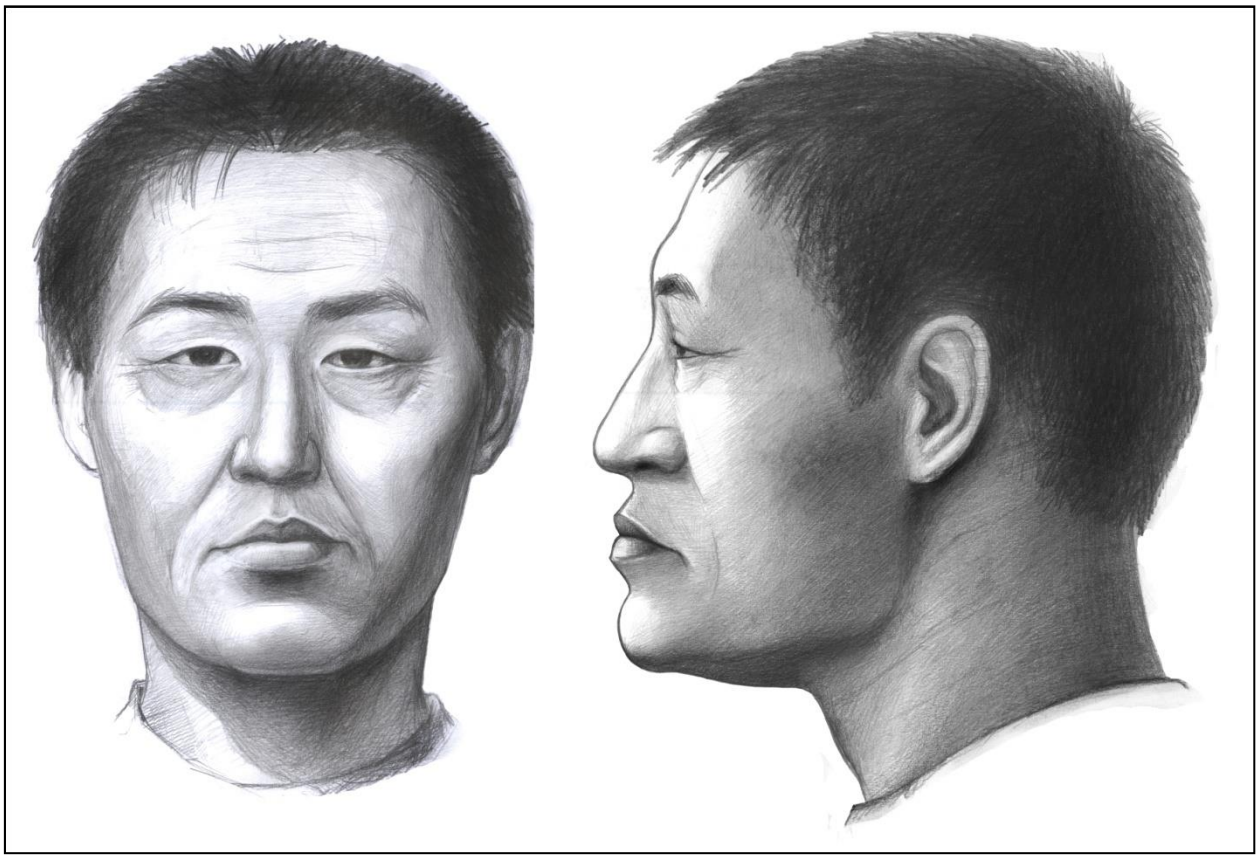

Рис. 9. Сергеляхское захоронение. Реконструкция лица по черепу. Графический портрет мужчины 35-45 лет.

Далее перейдем к восстановлению внешнего облика этого воина. Реконструируется портрет зрелого мужчины с высоким и широким лицом, с выдающимися скулами (рис. 9). Лоб весьма покатый, узкий, с выраженным надбровьем. Брови, скорее всего, имели прямую форму, возможно, со слабым изломом. Глаза с ровной, горизонтальной на всём протяжении, складкой верхнего века имели косовнутреннее направление разреза глаз. Морфология орбитальной области предполагает наличие эпикантуса. Нос выступающий, высокий, с прямым профилем и горизонтальным основанием носа. Рот средней ширины над округлым, узким, умеренно выступающим

подбородком.

Атласовское 2 захоронение было обнаружено в 2014 г. в районе Атласовских озёр, в центре ленской долины Туймаада, также случайно Е. Захаровым при рытье ям для столбов забора на его дачном участке. Результаты AMS датирования позволяют отнести погребение к 1640–1670 гг. – времени, когда в долине Туймаада был построен русский Ленский острог первого якутского воеводы Петра Головина (1643 г.). В могильной яме была расчищена деревянная колода, обожженная снаружи, внутри которой находился костяк женщины, лежавший вытянуто на спине, черепом на север. У изголовья на уровне крышки колоды были найдены железные удила с кольчатыми псалиями-трензелями, а у изножья – железное стремя (рис. 10, *6*, *7*). В районе головы, располагались железные, так называемые «овечьи» ножницы (рис. 10, *5*) и железный нож с костяной рукояткой в берестяных ножнах (рис. 10, *1–4*).

У черепа, в области темени, найдено сфероконическое навершие головного убора, на которое была припаяна или приклеена металлическая трубочка для крепления плюмажа (рис. 11, 2). С обеих сторон головы найдены две металлические подтреугольные фигурные пластины с отчеканенным на них сложным орнаментом (рис. 11, 1). В области груди обнаружены парные кожаные нагрудные панно с нашитыми на них металлическими фигурными бляшками (рис. 11, 4), под левым панно располагалась крупная проволочная серьга в виде знака вопроса с бусиной-нанизкой из цветного металла с костяной сердцевиной внутри.

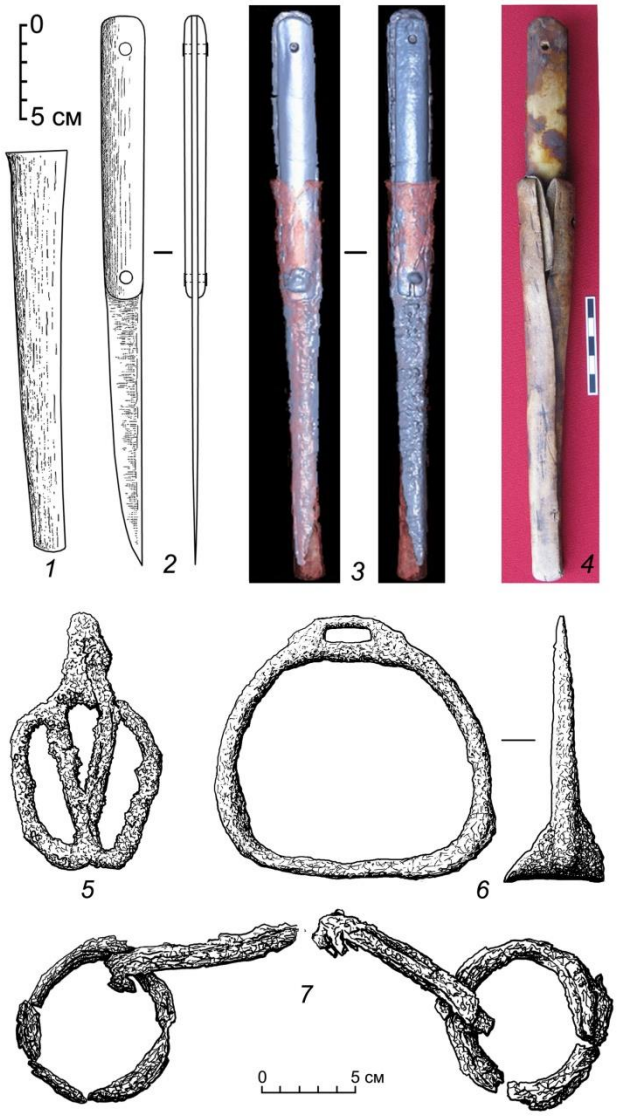

Рис. 10. Сопроводительный инвентарь погребения Атласовское-2: 1 – берестяные ножны; 2 – нож; 3 – компьютерная томография ножа в ножнах; 4 – фотография ножа в ножнах; 5 – ножницы; 6 – стремя; 7 – удила.

Исходя из археологических данных, захоронение Атласовское-2 не совсем обычно для погребальных комплексов якутов. Северная ориентировка погребения, конструкция гроба-колоды и некоторые предметы сопроводительного инвентаря сближают его с усть-талькинской культурой кочевников юга Средней Сибири XII–XIV вв. Ряд других элементов сопроводительного инвентаря находят аналогии в погребальных комплексах различных народов Сибири, преимущественно XVI–XVIII вв.

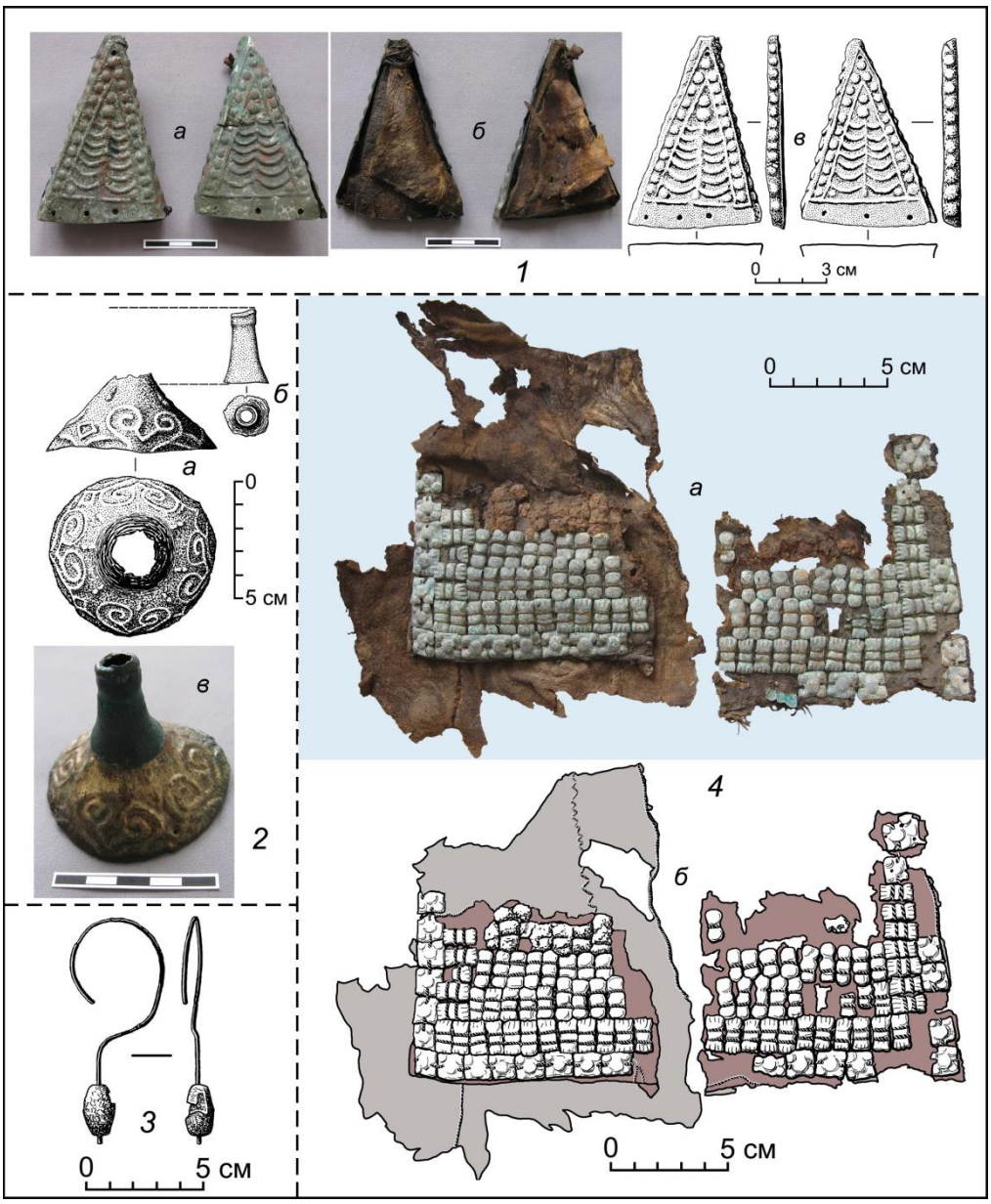

Рис. 11. Сопроводительный инвентарь погребения Атласовское-2: 1 – металлические нашивные декоративные пластины с орнаментом; 2 – навершие головного убора; 3 – серьга «знак вопроса»; 4 – декоративные нагрудные панно.

Палеоантропологический материал этого захоронения свидетельствует об иной ситуации со здоровьем и образом жизни погребенной женщины, умершей в возрасте 30-40 лет. По мировым масштабам длины плечевой, бедренной и большеберцовых костей женщины средние, рост её составлял 155 см. Основные индексы телосложения средние и малые в мировом масштабе [Мамонова, 1986], что указывает на мезоморфные (средние) пропорции тела.

Умеренное развитие мест прикрепления мышц, отсутствие энтезопатий исключают изнуряющий физический труд в повседневной жизни женщины. Нагрузки не превышали физиологических значений. Отсутствие гипоплазии зубов, порозных изменений черепа и глазниц указывают на полноценное питание в детстве. Наличие зубного камня свидетельствует о достаточном количестве мясной пищи в рационе. Случай кариеса второго моляра нижней челюсти слева является осложнением скола эмали зуба. Артрозные проявления на суставах позвоночного столба и суставов конечностей соответствуют возрастным значениям, следы перегрузок крупных суставов не зафиксированы. Минимальное количество выявленных патологий свидетельствует о хорошем общем состоянии здоровья исследуемой женщины. Перелом правого второго ребра стал следствием прямого удара, причину которого достоверно установить сложно. Это могло быть как при насилии, так и в результате случайной травмы, например, при падении.

Сопоставление показателей здоровья изучаемого человека с материалами Атласовского-1 и Сергеляхского погребений выявило как сходство, так и заметные различия. Так на женском скелете из Атласовского-2 захоронения обнаружена всего одна травма - перелом ребра, в то время как на мужских скелетах их значительно больше, что вполне ожидаемо. Примечательно, что у воина из Сергеляхинского погребения тоже обнаружены переломы ребер, что может указывать на схожие тавмоопасносные элементы жизнедеятельности - например, верховую езду и привычно грубые межперсональные взаимодействия. Значительно выраженные признаки всадничества у обоих мужчин, полностью отсутствуют у женщины. В этом отношении сопутствующие погребению элементы конской упряжи могут рассматриваться скорее как статусный символ, нежели знак функционального использования. Выраженная умеренность повседневных занятий женщины резко отличает ее от деятельности мужчин, приведшей к чрезмерным появлениям маркеров физической активности.

Общими для всех рассматриваемых людей являются реконструируемые характеристики диеты: достаточное питание с доминирование мясомолочной составляющей и малой долей углеводных продуктов земледелия. Отличительной чертой женщины оказывается отсутствие в детстве периодов истощения, отмечаемых для обоих мужчин. Проведенное сравнение показало выразительно хорошее состояние здоровья женщины, обеспеченное, по всей видимости, высоким уровнем жизни, сопутствующим ей с детства и до момента смерти.

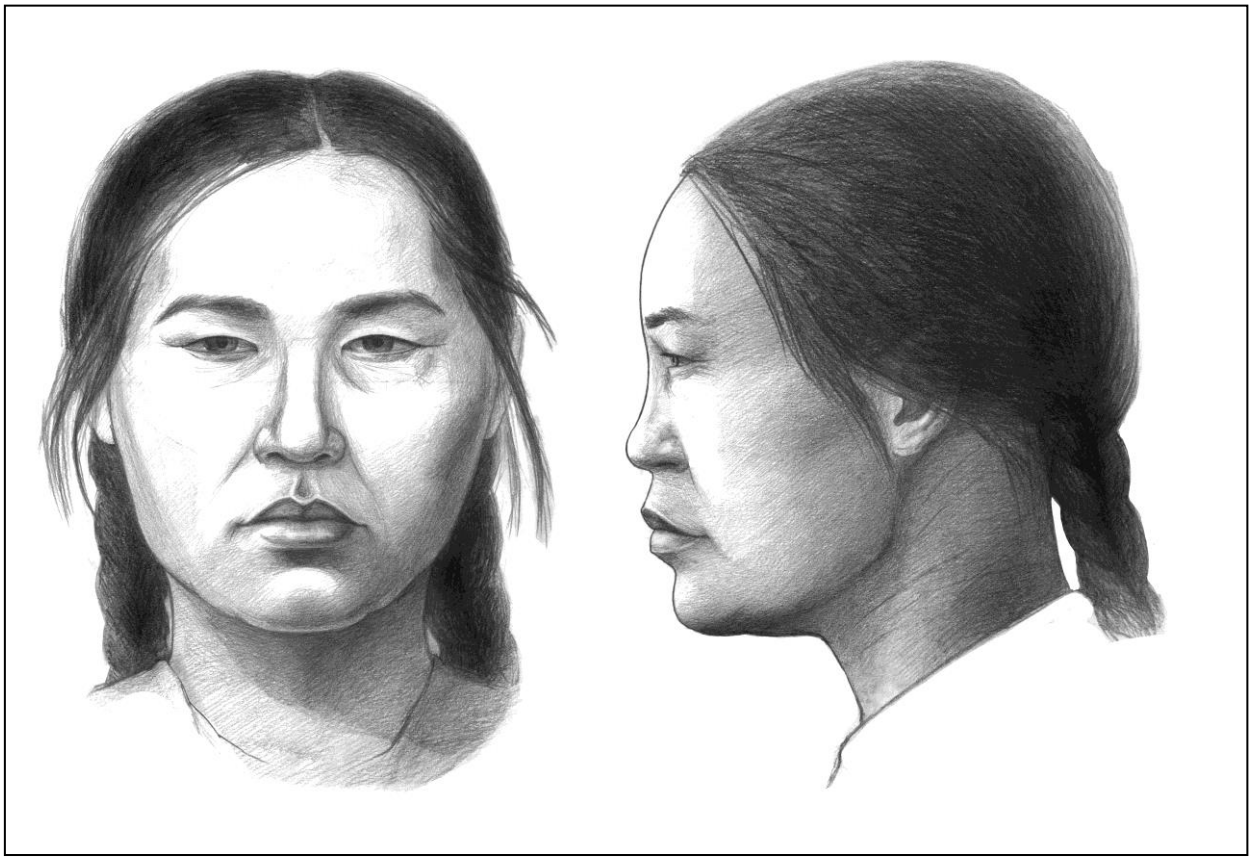

Рис. 12. Атласовское 2 захоронение. Реконструкция лица по черепу. Графический портрет женщины 30-40 лет.

Как же она выглядела при жизни? С помощью методов реконструкции внешности по черепу мы видим женщину с очень высоким и очень широким лицом. Среднеширокий наклонный лоб со слабо выраженными лобными буграми, уплощенным слабыми переносьем и надбровными дугами. Брови направлены горизонтально, со слабым изломом. Нос, слабо выступающий относительно плоскости лица, очень высокий, с прямым профилем и

горизонтально направленным основанием и кончиком носа. Глаза с ровной складкой верхнего века, с наклонной глазной щелью и эпикантусом. Строение подносовой части черепа предопределяет крупные губы довольно симметричного рта, небольшой и умеренно выступающий подбородок (рис. 12).

Для разрешения дискуссии по вопросу происхождения якутского народа, очень важно было установить к какому из современных этносов, населяющих Сибирь, близки изучаемые индивиды. Ответ на этот вопрос кроется в морфологических характеристиках их черепов. Мы провели измерения основных краниометрических показателей, которые характеризуют высоту и ширину черепной коробки в целом, лица, орбиты, носа, переносья и лба. Кроме того для анализа учитывались углы горизонтальной и вертикальной профилировки лица, лба и переносья. Далее мы привлекли для исследования все имеющиеся данные по мужским и женским сериям современных народов Сибири. Чтобы установить сходство и различия между ними перечисленные показатели были исследованы с помощью канонического анализа, по результатам которого были построены графики рассеивания.

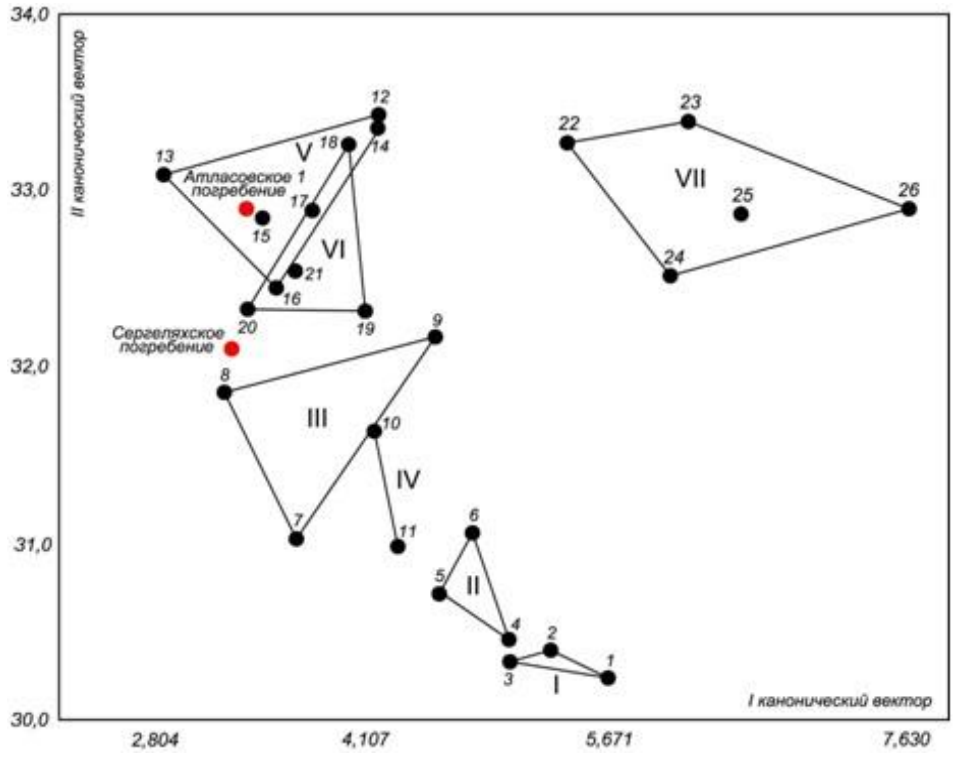

Рис. 8. Расположение мужских антропологических выборок Сибири и индивидуумов из Атласовского первого и Сергеляхского погребений в пространстве I и II канонических векторов. Цифрами на рисунке обозначены: I - обь-иртышская группа популяций западносибирской формации (1 – селькупы, Тискино; 2 - чулымцы, Ясашная Гора; 3 – тоболо-иртышские татары), II – уральская группа популяций западносибирской формации (4 – восточные ханты; 5 – манси северные; 6 - ханты северные, Халас-Погор), III – южно-сибирская группа популяций (7 – казахи, Бегазы; 8 – теленгеты; 9 – качинцы), IV – енисейская группа популяций североазиатской формации (10 – ненцы; 11 – кеты), V – центрально-азиатская группа популяций североазиатской формации (12 – якуты; 13 – буряты забайкальские; 14 – буряты западные; 15 - буряты тункинские; 16 – тувинцы; 17 – монголы), VI - байкальская группа популяций североазиатской формации (18 – негидальцы; 19 – юкагиры; 20 – долганы; 21 – тунгусы оленные), VII – арктическая группа популяций (22 – чукчи береговые; 23 – чукчи оленные; 24 – эскимосы юго-восточные; 25 – эскимосы науканские; 26 – эскимосы западные). Из-за отсутствия данных по долганам, количество женских анализируемых групп меньше на одну, но нумерация совпадает с мужскими выборками.

Характер распределения мужских и женских групп в пространстве векторов наглядно демонстрирует место черепов из Атласовских и Сергеляхского погребений в системе антропологических типов Северной Евразии. Черепа мужчин из Атласовского и Сергеляхского погребений расположились в положительно-отрицательном поле графа (рис. 8), среди групп, которые характеризуются наиболее широким сводом, высоким плоским лицом с низким переносьем. Несомненна принадлежность Атласовсккого индивида к популяциям центральноазиатского антропологического типа североазиатской формации. Однако череп из Сергеляхского захоронения оказался между границ изменчивости байкальской и южно-сибирской групп популяций. Это, в первую очередь, обусловлено особенностями строения переносья и носа, которые сближают его с европеоидами.

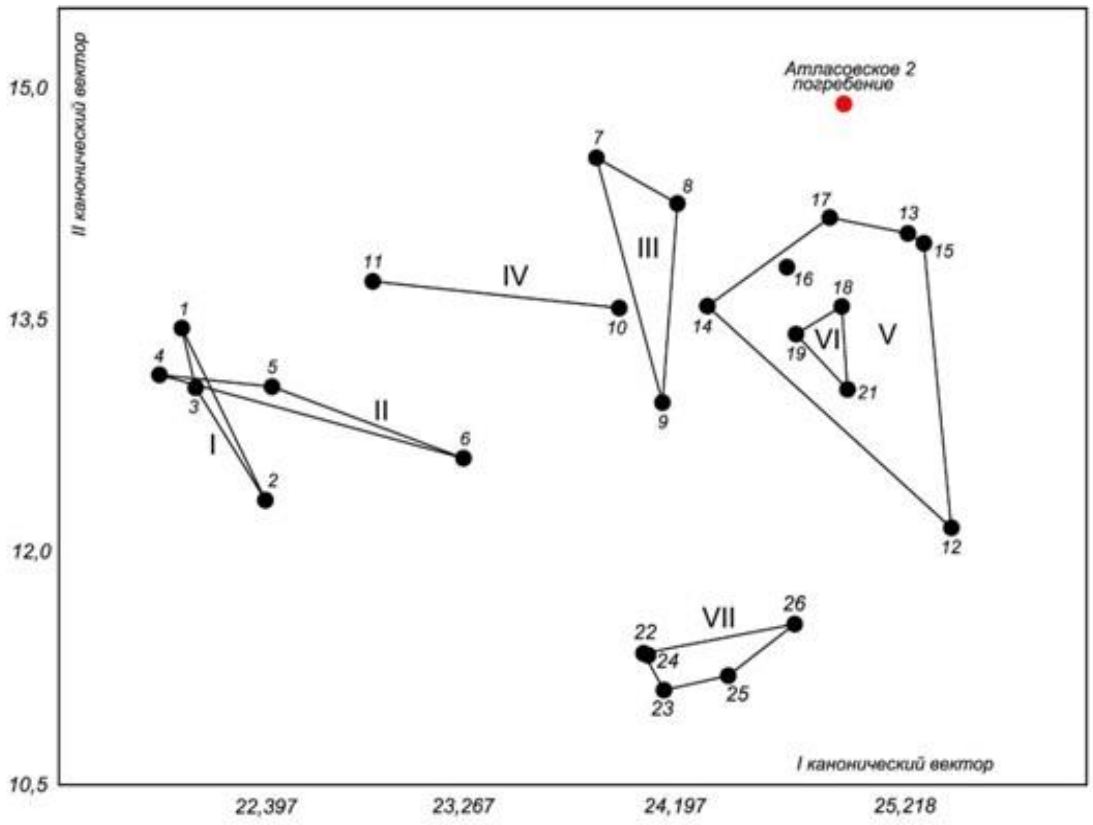

Рис. 9. Расположение женских антропологических выборок Сибири и индивидуума из Атласовского второго погребения в пространстве I и II канонических векторов (цифровые обозначения такие же, как на предыдущий иллюстрации, за исключением отсутствия данных по женской выборке долган).

Примерно так же распределились на графике женские серии (рис. 9). Череп из Атласовского второго захоронения попал в положительное поле графа, в котором сосредоточились группы с максимально высоким, широким, плоским и ортогнатным лицом, для которых также характерно низкое и широкое на уровне дакриона переносье и широкое грушевидное отверстие, то есть наиболее монголоидные выборки. Однако, краниологическое своеобразие женщины на индивидуальном уровне незначительно отдалило её от анализируемых популяций. Но, несмотря на это, исследуемый индивид, так же, как и мужчина из Атласовского первого погребения, оказался максимально приближен к популяциям центральноазиатского антропологического типа североазиатской формации.

Безусловно, нужно иметь в виду, что в нашем случае сопоставлялись особенности отдельных индивидов с популяционными данным. Это не совсем корректная процедура. Но, даже с учетом высокой индивидуальной изменчивости, характерной для человека современного вида, результаты проведенного анализа позволяют констатировать довольно высокое морфологическое сходство краниологической структуры черепов из Атласовских захоронений с популяциями центральноазиатского типа. А вот мужской череп из Сергеляхского погребения в равной степени близок байкальской и южно-сибирской группам популяций.

Исходя из исторических, этнографических и археологических данных, считается, что якутский народ сложился в Центральной Якутии на основе смешения пришлых тюркоязычных и монголоязычных племён с местными палеоазиатскими племенами, а возможно и более ранними тюрко-монгольскими пришельцами [Алексеев, 1996; Гоголев, 2004,]. Исходя из антропологических данных, мы можем с определенной долей критики соотнести мужское погребение Атласовское-1 с линией легендарного прародителя якутов – Омогоя Бая, выходца из протобурят [Исторические предания..., 1960]. Другую линию, представленную ещё одним легендарным первопредком якутов – Эллэем Боотуром, происходящим из татар [Там же], демонстрирует, на наш взгляд, Сергеляхское погребение.

Литература

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.: Наука, 1960. – Т. 4. – С.269-364.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 96 с.

Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск: Наука, 1993. – 159с.

Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2001. – Вып. 3. – С. 159-174.

Багашев А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии Том 44, № 2, 2016. С. 79-89.

Багашёв А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №44 (2). С. 137–147.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. №3 (12). С. 27–32.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашёв А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №4 (35). С. 92–110.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьева Е.Н., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2017. Вып. 1 (36). С. 44-62.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребения со следами огня у якутов // VI Диковские чтения: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня

рожд. Н.Н. Дикова и 50-летию образования СВКНИИ ДВО РАН. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 150–152.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек) // ТИЭАН СССР. Новая серия. М.: Наука, 1955. Т. 28. 586 с.

Гоголев А.И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 104 с.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л.: Наука,1980. – Т.36. – С. 5-34.

Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. – Л.: Наука, 1982. – С. 9-42.

Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии. – М.: Наука, 1951. – Т. 17. 264 с.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 13-22.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – С. 198-240.

Дремов В.А. Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М.: ИЭА РАН, 1991. С. 10 28.

Дьяконов В.М., Афанасьев А.С. Атласовское захоронение – новый памятник кулун-атахской культуры в Центральной Якутии // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Мат-лы XLIV РАЭСК. – Кемерово: Изд–во КемГУ, 2004. – С. 257-259.

Исмагулов О. Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // Труды Ин–та этнографии. М.: Наука, 1963. – Т. 82. – С. 65-95.

Исторические предания и рассказы якутов / Сост. Эргис Г.У. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. I. 324 с.

Косинская Н.С. Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата. Л.: Медгиз, 1961. С. 102–110

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. М.: Наука, 1998. 124 с.

Медико-криминалистическая идентификация: Настольная книга судебно-медицинского эксперта / ред. В.В. Томилин. – М.: Норма, 2000. – 472 с.

Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. М.: Изд-во музеев Московского кремля, 2009. Т. 1. С. 137-167.

Ульрих Э.В., Мушкин А.Ю. Вертебрология в терминах, цифрах, рисунках. СПб.: Элби-СПб, 2005. С. 137–139.

Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // Труды Ин-та этнографии. – М.: Наука,1956. – Т. 33. – С. 340-373.

Томтосова Л.Ф. Новые материалы по краниологии современных якутов // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Л.: Наука, 1980. – Т.36. – С.121-129.

Alexeev V.P. Kraniologische Daten und die Entstehung det Volker des Altaj und Sajan // Anthropologischer Anzeiger, Jahrgang 28. –N 1. – S. 54-61.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathologycal Conditions in Human Skeletal Remains. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1985. – 488 p.